

Антон Павлович Чехов

Симулянты

Юмористический рассказ великого русского писателя
Антон Павловича Чехова.

Anton Chekhov	Чехов А. П.
Malingers.	СИМУЛЯНТЫ.
<p>MARFA PETROVNA PETCHONKIN, the General's widow, who has been practising for ten years as a homeopathic doctor, is seeing patients in her study on one of the Tuesdays in May.</p>	<p>Генеральша Марфа Петровна Печонкина, или, как ее зовут мужики, Печончиха, десять лет уже практикующая на поприще гомеопатии, в один из майских вторников принимает у себя в кабинете больных.</p>
<p>On the table before her lie a chest of homeopathic drugs, a book on homeopathy, and bills from a homeopathic chemist.</p>	<p>Перед ней на столе гомеопатическая аптечка, лечебник и счета гомеопатической аптеки.</p>

On the wall the letters from some Petersburg homeopath, in Marfa Petrovna's opinion a very celebrated and great man, hang under glass in a gilt frame, and there also is a portrait of Father Aristark, to whom the lady owes her salvation -- that is, the renunciation of pernicious allopathy and the knowledge of the truth.

На стене в золотых рамках под стеклом висят письма какого-то петербургского гомеопата, по мнению Марфы Петровны, очень знаменитого и даже великого, и висит портрет отца Аристарха, которому генеральша обязана своим спасением: отречением от зловредной аллопатии и знанием истины.

In the vestibule patients are sitting waiting, for the most part peasants.

В передней сидят и ждут пациенты, всё больше мужики.

All but two or three of them are barefoot, as the lady has given orders that their ill-smelling boots are to be left in the yard.

Все они, кроме двух-трех, босы, так как генеральша велит оставлять вонючие сапоги на дворе.

Marfa Petrovna has already seen ten patients when she calls the eleventh: "Gavrila Gruzd!"

Марфа Петровна приняла уже десять человек и вызывает одиннадцатого: -- Гаврила Груздь!

The door opens and instead of Gavrila Gruzd, Zamuhrishen, a neighbouring landowner who has sunk into poverty, a little old man with sour eyes, and with a gentleman's cap under his arm, walks into the room.

Дверь отворяется и, вместо Гаврилы Груздя, в кабинет входит Замухришин, генеральшин сосед, помещик из оскудевших, маленький старичок с кислыми глазками и с дворянской фуражкой под мышкой.

He puts down his stick in the corner, goes up to the lady, and without a word drops on one knee before her.

Он ставит палку в угол, подходит к генеральше и молча становится перед ней на одно колено.

"What are you about, Kuzma Kuzmitch?" cries the lady in horror, flushing crimson. "For goodness sake!"

-- Что вы! Что вы, Кузьма Кузьмич! -- ужасается генеральша, вся вспыхивая. -- Бога ради!

"While I live I will not rise," says Zamuhrishen, bending over her hand. "Let all the world see my homage on my knees, our guardian angel, benefactress of the human race!

-- Покуда жив буду, не встану! -- говорит Замухришин, прижимаясь к ручке. -- Пусть весь народ видит мое коленопреклонение, ангел-хранитель наш, благодетельница рода человеческого!

Let them!

Пусть!

Before the good fairy who has given me life, guided me into the path of truth, and enlightened my scepticism I am ready not merely to kneel but to pass through fire, our miraculous healer, mother of the orphan and the widowed!

Которая благодетельная фея даровала мне жизнь, указала мне путь истинный и просветила мудрование мое скептическое, перед тою согласен стоять не только на коленях, но и в огне, целительница наша чудесная, мать сирых и вдовых!

I have recovered.

Выздоровел!

I am a new man, enchantress!"

Воскрес, волшебница!

<p>"I . . . I am very glad . . . mutters the lady, flushing with pleasure. "It's so pleasant to hear that. . .</p>	<p>-- Я... я очень рада... -- бормочет генеральша, краснея от удовольствия. -- Это так приятно слышать...</p>
<p>Sit down please!</p>	<p>Садитесь, пожалуйста!</p>
<p>Why, you were so seriously ill that Tuesday."</p>	<p>А ведь вы в тот вторник были так тяжело больны!</p>
<p>"Yes indeed, how ill I was!</p>	<p>-- Да ведь как болен!</p>
<p>It's awful to recall it," says Zamuhrishen, taking a seat." I had rheumatism in every part and every organ.</p>	<p>Вспомнить страшно! -- говорит Замухришин, садясь. -- Во всех частях и органах ревматизм стоял.</p>
<p>I have been in misery for eight years, I've had no rest from it . . . by day or by night, my benefactress.</p>	<p>Восемь лет мучился, покою себе не знал... Ни днем ни ночью, благодетельница моя!</p>

I have consulted doctors, and I went to professors at Kazan; I have tried all sorts of mud-baths, and drunk waters, and goodness knows what I haven't tried!

Лечился я и у докторов, и к профессорам в Казань ездил, и грязями разными лечился, и воды пил, и чего только я не перепробовал!

I have wasted all my substance on doctors, my beautiful lady.

Состояние свое пролечил, матушка-красавица.

The doctors did me nothing but harm.

Доктора эти, кроме вреда, ничего мне не принесли.

They drove the disease inwards.

Они болезнь мою вовнутрь мне вогнала.

Drive in, that they did, but to drive out was beyond their science.

Вогнать-то вогнали, а выгнать -- наука ихняя не дошла...

All they care about is their fees, the brigands; but as for the benefit of humanity -- for that they don't care a straw.

Только деньги любят брать, разбойники, а ежели касательно пользы человечества, то им и горя мало.

<p>They prescribe some quackery, and you have to drink it.</p>	<p>Пропишет какой-нибудь хиромантии, а ты пей.</p>
<p>Assassins, that's the only word for them.</p>	<p>Душегубцы, одним словом.</p>
<p>If it hadn't been for you, our angel, I should have been in the grave by now!</p>	<p>Если бы не вы, ангел наш, быть бы мне в могиле!</p>
<p>I went home from you that Tuesday, looked at the pilules that you gave me then, and wondered what good there could be in them.</p>	<p>Прихожу от вас в тот вторник, гляжу на крупинки, что вы дали тогда, и думаю: "Ну, какой в них толк?"</p>
<p>Was it possible that those little grains, scarcely visible, could cure my immense, long-standing disease?</p>	<p>Нешто эти песчинки, еле видимые, могут излечить мою громадную застарелую болезнь?"</p>

That's what I thought -
- unbeliever that I was -
! -- and I smiled; but
when I took the pilule -
- it was instantaneous!
It was as though I had
not been ill, or as
though it had been
lifted off me.

Думаю, маловер, и
улыбаюсь, а как при-
нял крупинку -- мо-
ментально! словно и
болен не был или ру-
кой сняло.

My wife looked at me
with her eyes starting
out of her head and
couldn't believe it.

Жена глядит на ме-
ня выпученными
глазами и не верит:

' Why, is it you, Kolya?'

"Да ты ли это, Кузя?"
--

' Yes, it is I,' I said.

"Я", говорю.

And we knelt down
together before the
ikon, and fell to
praying for our angel:

И стали мы с ней пе-
ред образом на ко-
ленки и давай мо-
литься за ангела на-
шего:

'Send her, O Lord, all
that we are feeling!'

"Пошли ты ей, госпо-
ди, всего, что мы
только чувствуем!"

<p>Zamuhrishen wipes his eyes with his sleeve gets up from his chair, and shows a disposition to drop on one knee again; but the lady checks him and makes him sit down.</p>	<p>Замухришин вытирает рукавом глаза, поднимается со стула и выказывает намерение снова стать на одно колено, но генеральша останавливает и усаживает его.</p>
<p>"It's not me you must thank," she says, blushing with excitement and looking enthusiastically at the portrait of Father Aristark. "It's not my doing. . . ."</p>	<p>-- Не меня благодарите! -- говорит она, красная от волнения и глядя восторженно на портрет отца Аристарха. -- Не меня!</p>
<p>I am only the obedient instrument . .</p>	<p>Я тут только послушное орудие...</p>
<p>It's really a miracle.</p>	<p>Действительно, чудеса!</p>
<p>Rheumatism of eight years' standing by one pilule of scrofuloso!"</p>	<p>Застарелый, восьмилетний ревматизм от одной крупинки скрофулозо!</p>

"Excuse me, you were so kind as to give me three pilules.	-- Изволили вы дать мне три крупинки.
One I took at dinner and the effect was instantaneous!	Из них одну принял я в обед -- и моментально!
Another in the evening, and the third next day; and since then not a touch!	Другую вечером, а третью на другой день, -- и с той поры хоть бы тебе что!
Not a twinge anywhere!	Хоть бы кольнуло где!
And you know I thought I was dying, I had written to Moscow for my son to come!	А ведь помирать уже собрался, сыну в Москву написал, чтоб приехал!
The Lord has given you wisdom, our lady of healing!	Умудрил вас господь, целительница!
Now I am walking, and feel as though I were in Paradise.	Теперь вот хожу, и словно в раю...
The Tuesday I came to you I was hobbling, and now I am ready to run after a hare. . . .	В тот вторник, когда у вас был, хромал, а теперь хоть за зайцем готов...

I could live for a hundred years.	Хоть еще сто лет жить.
There's only one trouble, our lack of means.	Одна только беда -- недостатки наши.
I'm well now, but what's the use of health if there's nothing to live on?	И здоров, а для чего здоровье, если жить не на что?
Poverty weighs on me worse than illness. . . .	Нужда одолела пуще болезни...
For example, take this . . .	К примеру взять хоть бы такое дело...
It's the time to sow oats, and how is one to sow it if one has no seed?	Теперь время овес сеять, а как его посеешь, ежели семенов нет?
I ought to buy it, but the money . . . everyone knows how we are off for money. . . ."	Нужно бы купить, а денег... известно, какие у нас деньги...
"I will give you oats, Kuzma Kuzmitch. . . .	-- Я вам дам овса, Кузьма Кузьмич...
Sit down, sit down.	Сидите, сидите!

<p>You have so delighted me, you have given me so much pleasure that it's not you but I that should say thank you!"</p>	<p>Вы так меня порадовали, такое удовольствие мне доставили, что не вы, а я должна вас благодарить!</p>
<p>"You are our joy!</p>	<p>-- Радость вы наша!</p>
<p>That the Lord should create such goodness!</p>	<p>Создаст же господь такую доброту!</p>
<p>Rejoice, Madam, looking at your good deeds! . . .</p>	<p>Радуйтесь, матушка, на свои добрые дела глядячи!</p>
<p>While we sinners have no cause for rejoicing in ourselves. . . .</p>	<p>А вот нам, грешным, и порадоваться у себя не на что...</p>
<p>We are paltry, poor-spirited, useless people . . . a mean lot. . .</p>	<p>Люди мы маленькие, малодушные, бесполезные... мелкота...</p>
<p>We are only gentry in name, but in a material sense we are the same as peasants, only worse. . . .</p>	<p>Одно звание только, что дворяне, а в материальном смысле те же мужики, даже хуже...</p>

We live in stone houses, but it's a mere make-believe . . . for the roof leaks.

Живем в домах каменных, а выходит один мираж, потому -- крыша течет...

And there is no money to buy wood to mend it with."

Не на что тесу купить.

"I'll give you the wood, Kuzma Kuzmitch."

-- Я дам вам тесу, Кузьма Кузьмич.

Zamuhrishen asks for and gets a cow too, a letter of recommendation for his daughter whom he wants to send to a boarding school, and . . . touched by the lady's liberality he whimpers with excess of feeling, twists his mouth, and feels in his pocket for his handkerchief. . . .

Замухришин выпрашивает еще корову, рекомендательное письмо для дочки, которую намерен везти в институт, и... тронутый щедротами генеральши, от наплыва чувств всхлипывает, перекашивает рот и лезет в карман за платком...

Marfa Petrovna sees a red paper slip out of his pocket with his handkerchief and fall noiselessly to the floor.

Генеральша видит, как вместе с платком из кармана его вылезает какая-то красная бумажка и бесшумно падает на пол.

"I shall never forget it to all eternity . . ." he mutters, "and I shall make my children and my grandchildren remember it . . . from generation to generation.

-- Во веки веков не забуду... -- бормочет он. -- И детям закажу помнить, и внукам... в род и род...

'See, children,' I shall say, 'who has saved me from the grave, who . . .'"

Вот, дети, та, которая спасла меня от гроба, которая...

When she has seen her patient out, the lady looks for a minute at Father Aristark with eyes full of tears, then turns her caressing, reverent gaze on the drug chest, the books, the bills, the armchair in which the man she had saved from death has just been sitting, and her eyes fall on the paper just dropped by her patient.

She picks up the paper, unfolds it, and sees in it three pilules - the very pilules she had given Zamuhrishen the previous Tuesday.

"They are the very ones," she thinks puzzled. "... The paper is the same. . . .

He hasn't even unwrapped them!

Проводив своего пациента, генеральша минуту глазами, полными слез, глядит на отца Аристарха, потом ласкающим, благоговеющим взором обводит аптечку, лечебники, счета, кресло, в котором только что сидел спасенный ею от смерти человек, и взор ее падает на оброненную пациентом бумажку.

Генеральша поднимает бумажку, разворачивает ее и видит в ней три крупинки, те самые крупинки, которые она дала в прошлый вторник Замухришину.

-- Это те самые... -- недоумеваает она. -- Даже бумажка та самая...

Он и не разворачивал даже!

What has he taken then?	Что же он принимал в таком случае?
Strange. . . .	Странно...
Surely he wouldn't try to deceive me!"	Не станет же он меня обманывать!
And for the first time in her ten years of practice a doubt creeps into Marfa Petrovna's mind. . . .	И в душу генеральши, в первый раз за все десять лет практики, западает сомнение...
She summons the other patients, and while talking to them of their complaints notices what has hitherto slipped by her ears unnoticed.	Она вызывает следующих больных и, говоря с ними о болезнях, замечает то, что прежде незаметным образом проскальзывало мимо ее ушей.

The patients, every one of them as though they were in a conspiracy, first belaud her for their miraculous cure, go into raptures over her medical skill, and abuse allopath doctors, then when she is flushed with excitement, begin holding forth on their needs.

Больные, все до единого, словно сговорившись, сначала славословят ее за чудесное исцеление, восхищаются ее медицинской мудростью, бранят докторов-аллопатов, потом же, когда она становится красной от волнения, приступают к изложению своих нужд.

One asks for a bit of land to plough, another for wood, a third for permission to shoot in her forests, and so on.

Один просит землицы для запашки, другой дровец, третий позволения охотиться в ее лесах и т. д.

She looks at the broad, benevolent countenance of Father Aristark who has revealed the truth to her, and a new truth begins gnawing at her heart.

Она глядит на широкую, благодушную физиономию отца Аристарха, открывшего ей истину, и новая истина начинает сосать ее за душу.

An evil oppressive
truth. . . .

Истина нехорошая,
тяжелая...

The deceitfulness of
man!

Лукав человек!